

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова

на правах рукописи

Большаков Андрей Петрович

***Греко-иудейские традиции в христианских апологиях
II-IV веков***

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(Древний мир)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2002

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель – кандидат исторических наук **Трухина Н. Н.**

Официальные оппоненты – доктор филологических наук **Нахов И. М.**

– кандидат исторических наук **Муравьев А. В.**

Ведущая организация – кафедра истории и теории мировой культуры
Философского факультета МГУ
имени М.В.Ломоносова

Защита диссертации состоится «23» апреля 2002 года в 16 час.
на заседании Диссертационного совета К.501.001.16 по всеобщей истории в
МГУ имени М.В.Ломоносова (г. Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-ый корпус
гуманитарных факультетов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (г. Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-ый корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «20» марта 2002 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

Т. В. Никитина

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, 2002 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет исследования. Данная работа посвящена изучению важнейших аспектов мировоззрения раннехристианских апологетов и прежде всего способов интерпретации ими взаимоотношений общины верующих с язычниками в сравнении с опытом предшествующих иудейско-языческих культурных контактов на материале христианских апологий II-IV веков и грекоязычных иудейских текстов II века до нашей эры – I века нашей эры.

Актуальность заявленной темы подтверждается неизменным вниманием, которое на протяжении всего периода исторического существования христианства привлекал к себе вопрос о его происхождении. Истоки идей, легших в основу вероучения наиболее распространенной из мировых религий, в своем самораскрытии позволяют увидеть механизм всестороннего замещения признаваемой обществом картины мира. Этот процесс оказывается тождественен зарождению незнакомого древности религиозного самосознания больших людских коллективов. В то же время исследование всего комплекса связанных с ранним христианством проблем дает возможность рассмотреть множество частных вопросов, относящихся к сфере культурологии и социальной психологии, таких как формирование моделей групповой самоидентификации, природа этноса, соотношение этнического и религиозного факторов в самосознание людей поздней античности. Наконец, изучение мировоззренческих основ религиозно-философских представлений раннехристианских апологетов расширяет современные знания о природе предшествующих христианству культурных общностей Средиземноморья и Ближнего Востока, их роли в формировании будущей мировой религии и отношениях между собой в дохристианский период.

Научная новизна. В данной работе общие наблюдения новейших исследователей относительно природы раннего христианства, сделанные на достаточно широком историческом материале, подвергнуты проверке на основании свидетельств такого определяющего для истории первоначальной церкви памятника как раннехристианские апологии, что позволило поставить целый ряд вопросов, ранее в историографии не подымавшихся, пересмотреть многие заключения частного характера, касающиеся произведений апологетов, и поставить под сомнение некоторые общие выводы предшествующих исследований. Новым в работе стало объединение в рамках одной темы проблематики, обычно разделяемой между историей христианской церкви, историей античной философии и литературы и традиционной библеистикой. Плодотворным оказалось также сравнение результатов, независимо друг от друга достигнутых отдельными специалистами в рамках изучения иудейских и собственно христианских реалий.

Целью работы было изучение идейной составляющей процесса превращения греко-римского общества в общество христианское через раскрытие отношения авторов апологий, как основных идеологов формирующейся церкви, к своему инокультурному окружению, тождественному их собственному языческому прошлому. Таким образом, задачи исследования состояли в том, чтобы обнаружить в трудах апологетов, а также их иудейских предшественников устойчивые мировоззренческие элементы, перешедшие из греко-римской и ближневосточной культурной среды в христианскую, изучить механизм подобного перехода и природу сопровождавших его трансформаций. Предметом особого рассмотрения являлись культурная принадлежность, роль и взаимоотношения означенных элементов в предшествующие возникновению христианства эпохи. Достижению поставленной цели служило изучение ряда конкретных проблем: принципы употребления этнонимов христианскими апологетами и грекоязычными иудейскими авторами для характеристики себя и своих оппонентов, отношение тех и других к признаваемому ими феномену “эллинской мудрости”, объяснение христианами и иудеями конфликтного характера своих взаимоотношений с языческим обществом.

Методологическая основа. В ходе исследования применялся метод сравнительного и системного подхода к изучению таких историко-литературных комплексов, как христианские апологии II-IV веков и грекоязычные иудейские тексты эллинистического и греко-римского времени. Сложная внутренняя структура этих групп источников и не менее трудная история их взаимоотношений с иными типами памятников заставляет рассматривать каждую из них как особую систему со своими внутренними законами и механизмами саморегулирования. Вместе с тем наличие большого числа формальных и содержательных связей между названными традициями, а также принадлежность их к единой средиземноморско-ближневосточной культуре делают невозможным изолированное изучение данных комплексов, диктуя необходимость сравнительного исследования их взаимоотношений с современными им культурно-историческими общностями античного мира.

Практическая ценность работы состоит в освоении на уровне современной российской историографии новейших направлений изучения истории раннего христианства, позволяющих по-новому взглянуть на природу первоначальной церкви и происхождение исповедуемых ею взглядов. Отдельные заключения диссертации могут быть использованы при подготовке лекций и написании учебных пособий по истории древнего мира и христианской религии для учебных заведений гуманитарного профиля.

Апробация работы. Основные положения исследования отражены в пяти публикациях. Выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а

также в ходе конференции XII “Сергеевские чтения” на кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ.

СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диссертация состоит из введения, обзора источников, обзора исследовательской литературы, двух глав, заключения, списка литературы. Во введении дается общая характеристика темы исследования, формулируются цели и задачи работы.

Источники. Главным источником материалов для данного исследования послужили произведения раннехристианских апологетов – памятник церковной литературы II-IV веков. Христианские апологии содержат важнейшие сведения о религиозно-философской полемике первых веков нашей эры. Принято считать, что именно в рамках этого спора совершилось идейное превращение христианства из иудейской секты в мировую религию. В связи с достаточной изученностью рассматриваемых текстов в источниковедческом разделе работы главное внимание было уделено тем аспектам, которые не получили должного освещения в историографии. Прежде всего это относится к истории происхождения самого термина “апология”. Обычно в качестве образцов для христианских сочинений называют судебные выступления оправдательного характера. Однако среди сохранившихся греческих текстов имеются и чисто литературные предшественники церковных произведений. Существует четыре языческие апологии, наиболее знаменитая из которых – “Апология Сократа” Платона. На основании места и роли личности Сократа в трудах христианских апологетов и косвенного соотнесения его судьбы со страстями Спасителя в работе ставится вопрос об идейно-содержательном и формально-жанровом влиянии сочинения Платона на писания христианских авторов.

Другой разбираемой в исследовании проблемой является роль иудейской грекоязычной апологетической литературы в становлении жанра христианской апологии. В историографии отмечалось типологическое сходство произведений христианских апологетов с отдельными сочинениями Филона Александрийского, Иосифа Флавия и других менее знаменитых иудейских эллинистических писателей. В данной работе произведен разбор свидетельств самих апологетов о своих предшественниках. Важнейшие из сделанных наблюдений таковы: христианские авторы ссылаются на иудейских как на признанные в греко-римском обществе авторитеты, определенная часть материалов по ветхозаветной тематике, приводимых в апологиях, берется не из Библии, а из трудов эллинистически образованных евреев, напоминая по форме скорее произведения традиционной грекоязычной литературы, нежели тексты священного писания. Объяс-

нением последнему факту в одинаковой степени служат литературные пристрастия языческой аудитории и самих апологетов.

Наиболее важной источниковедческой темой, поднимаемой в исследовании, выступают содержание апологий и цели их написания. Традиционная интерпретация данного вопроса – необходимость защитить церковь в условиях гонений – оказалась поставлена под сомнение в связи с определенным пересмотром в историографии христианской традиции о преследовании верующих язычниками. В связи с этим в работе подвергнуто критике традиционное разделение сочинений апологетов на “юридические” и “ученые”, первые из которых якобы должны показать язычникам несправедливость возводимых на христиан обвинений, а вторые служить источником религиозных сведений для верующих и неопитов. Разбор конкретных высказываний того и другого рода показывает, что никаких “юридических” оправданий в христианских апологиях нет, весь спор рано или поздно переходит в сферу религии, а аргументы подменяются морально-нравственным или религиозно-философским обличением язычников. Это позволяет видеть в рассматриваемых сочинениях не “оправдательные” речи, а такой же акт веры, как распространенное мученичество. Не случайно, христианские мученики и апологеты зачастую совпадали в лице тех или иных исторических персонажей: для некоторых из них апология стала причиной преследования и смерти или арест явился поводом для произнесения апологии.

Поскольку апология как жанр неотделима от противостоящих ей полемических сочинений язычников, в работе была предпринята попытка исследовать место и роль языческих оппонентов в трудах христианских авторов. Оправданной представляется постановка вопроса о фиктивности первых противников христианства, подобных участнику диалога “Октавий” Минуция Феликса Цецилию, фиктивности не исторической, а литературной, ибо такого рода оппоненты выполняют служебную роль, выражая оспариваемые христианским автором взгляды. В содержательном плане точно так же строятся христианские полемические сочинения, не использующие в качестве литературного приема фигуру реального или выдуманного врага. Такого рода фиктивными оппонентами могут выступать и подлинные сочинители враждебных христианству произведений, например, Цельс, в споре с которым цитирующий его Ориген не столько опровергает доводы противника, сколько использует их для иллюстрации собственных представлений о месте христианской общины в мире. Только в III-IV века, когда сделался актуальным вопрос о выборе официальной идеологии римской державы и сформировалась идейная оппозиция христианству в лице реформированного язычества, возникает подлинная христианско-языческая религиозно-философская полемика, памятниками которой с языческой стороны выступают произведения Порфирия, Юлиана Отступника, Либания и других.

Последняя источниковедческая тема – сочинения грекоязычных иудейских авторов эллинистического и римского времени. Достаточная изученность относящихся сюда текстов позволила ограничить их характеристику рассмотрением наиболее важного из связанных с ними вопросов: влияние греческого языка и эллинистических литературных жанров на самосознание авторов подобного рода произведений. Усвоение чужого языка, отличного от языка иудейского бога, и замещение религиозно мотивированной интерпретации исторических событий интерпретацией рационалистической наглядно свидетельствует о переходе иудейской письменной традиции от технического закрепления религиозного канона к собственно литературе с ее заимствованными у греков особыми законами. Однако демонстрируя гораздо большую формальную близость к эллинистической литературе, нежели к текстам писания, иудейские авторы в силу религиозных причин объединяют свои труды с текстами Ветхого Завета в противопоставлении книгам эллинов, не имеющих вследствие отсутствия свойственного иудеям религиозного знания подлинного видения истории. Таким образом, формально став частью эллинистической и греко-римской культуры, грекоязычные иудейские сочинения содержательно увязываются их авторами с иудейским каноном, являя собой яркий пример взаимодействия различных по происхождению культурных компонентов в конкретноисторическом феномене.

Обнаружившаяся возможность приписать части грекоязычных иудейских сочинений принадлежность к жанру апологий оправдывает предпринятое в настоящем исследовании параллельное изучение христианской и иудейской традиций о взаимоотношениях избранного народа с греко-римским язычеством. Известная зависимость христианских апологетов от авторов иудейских апологий делает возможным соотнесение всего комплекса интерпретаций греко-иудейских контактов еврейскими авторами с системой взглядов на языческое окружение, свойственной Отцам Церкви. Подобное соотнесение представляет тем больший интерес, что в оценке самих апологетов истоки их взглядов почти целиком лежат в иудейской ветхозаветной традиции. Объективно столь же несомненное влияние на Отцов Церкви традиции греко-римской принимается ими с большими оговорками. Наличие собственно иудейских оценок влияния на иудаизм эллинистической и греко-римской культуры в ситуации сходной с той, что существовала в эпоху первоначального распространения христианства, позволяет говорить о сочетании непосредственного греческого влияния на общину верующих с опосредованным воздействием на нее эллинской культуры через эллинизированное иудейство, в котором христиане привыкли видеть первых хранителей общей иудео-христианской религиозной традиции. В связи с этим предметом дальнейшего исследования стали основные представления

христиан и иудеев об эллинах, их культуре и отношениях с почитателями Йахве или Иисуса.

Историография. Дать подробное описание всей так или иначе связанной с раннехристианской тематикой исследовательской литературы в рамках данной работы едва ли было возможно. Историография важнейших проблем первоначального христианства сама по себе служит объектом многочисленных исследований. Поэтому рассматриваемый раздел включил в свой состав лишь две подтемы: специальные работы источниковедческого характера, посвященные раннехристианским апологиям, и основные направления изучения истории ранней церкви в новейшей литературе. Последняя часть затрагивает только те вопросы, которые имеют значение для настоящего исследования.

Главным недостатком большинства обзоров произведений раннехристианских апологетов является их преимущественно литературоведческий характер. Уделяя главное внимание формальной характеристике сочинений, их стилю и личности авторов, исследователи крайне редко обращаются к вопросам общеисторического и историко-философского плана, когда же делают это, используют преимущественно готовые положения, сформулированные их коллегами и предшественниками в контексте общей истории христианства, не пытаются подтвердить или опровергнуть заимствованные извне формулы на материале самих апологий. Таким образом, две проблематики – чисто источниковедческая, связанная с изучением произведений апологетов, и общедисциплинарная – существуют как бы параллельно, почти не пересекаясь (см.: Cross F.L., Barnard L.W., Lampe G.W., Сидоров А.И.).

В последние десятилетия XX века наметилась тенденция к преодолению указанного недостатка. С одной стороны, все больше наблюдений источниковедческого плана привлекается для построения кардинальных схем истории раннего христианства. С другой, все чаще общие вопросы начинают стимулировать новые исследования конкретных свидетельств апологий. Наиболее важные и перспективные темы, поднимаемые в современных работах по раннехристианской апологетической литературе, – влияние на апологетов грекоязычных иудейских писателей (Danielou J., Вдовиченко А.В.), степень их вовлеченности в литературную и философскую жизнь греко-римского общества (Danielou J.), принципы сосуществования с язычниками (Barnes T.D.), способы интерпретации окружающей действительности (Kelly W., Бычков В.В.), оценка всей предшествующей христианству истории (Milburn R.). Пытаясь ответить на эти и подобные им вопросы, исследователи вступают на почву осмысления общего хода истории ранней церкви, поневоле включаясь в имеющую долгую традицию дискуссии об истоках, путях возникновения и причинах торжества христианства.

После того как новоевропейские ученые впервые поставили под сомнение церковное предание об истории взаимоотношений первоначальных христианских общин с их языческим окружением и римской властью, эта тема с ее многочисленными составляющими получила детальную разработку в историографии. Основная тенденция последней на ранних этапах в XIX – начале XX века проявлялась в критике церковной традиции и признаваемых ею авторитетными источников. Свидетельства последних зачастую объявлялись “мифологизацией” исторической реальности, причем под мифологизацией имелось в виду полное несоответствие данных произведений христианской литературы подлинным событиям, возникшее чуть ли не в силу сознательной фальсификации истории. Очевидные преувеличения, свойственные данному подходу, породили во второй половине XX века обратную реакцию, когда сообщения христианских памятников признавались полностью достоверными, а сами тексты рассматривались наравне с произведениями светской историографии, теряя тем самым свое содержательное и жанровое своеобразие.

Взвешенный подход к изучению истории раннего христианства, во все времена обнаруживавшийся в отдельных работах наиболее крупных исследователей, сделался нормой в конце XX века после привлечения в рассматриваемые дисциплины достижений и методов культурологии и социальной психологии (см: Hadas M., Laistner M., Danielou J., Geffcken J., Timothy H., Аверинцев С.С., Бычков В.В, Хосроев А.П. и другие). Отныне в “мифологизации” истории христианскими авторами стали видеть не сознательное искажение действительности, а преломление происходившего в сознании верующих. Изучение механизмов и закономерностей данного явления позволило на новом уровне возобновить исследование таких вопросов, как христианство и греко-римская культура, христианство и иудаизм, иудаизм и эллинизм. Именно сопоставление структурообразующих элементов различных культурных образований, выступавших ранее самостоятельным предметом исследования, позволило современной историографии пересмотреть некоторые устоявшиеся представления о содержании учения начальной церкви и природе самого раннего христианства.

Важность изучения христианско-языческих и иудейско-языческих культурных связей для понимания места каждой из этих групп в культурном пространстве римской империи предопределила появление большого числа интересных работ по обеим темам, в том числе на русском языке. Рассматриваемые здесь проблемы таковы: соотношение греко-римского и иудейского элементов в христианстве (Hadas M., Timothy H.), ход и характер христианско-языческой религиозно-философской полемики (Timothy H.), причины и природа “гонений” на христиан в империи (Barnes T.D.), иудейская диаспора и эллинистическое окружение (Feldman L., Селезнев М.Г.), степень эллинизации евреев Палестины (Bickerman E., Feldman L., Hengel M., Селезнев М.Г.), греческий

язык и религиозная традиция Ветхого Завета (Bickerman E., Селезнев М.Г.), нормативный иудаизм и греческая философия (Fischel H.), принципы взаимодействия иудейских и эллинистических политических и социальных структур (Bickerman E., Tcherikover V., Селезнев М.Г.).

Выводы, делаемые исследователями, подчас не менее существенны, чем сама постановка вопроса. Так, Хейдес и Тимоти считали, что роль эллинистического и греко-римского наследства в христианстве была по крайней мере столь же велика, как роль ветхозаветной религии. Барнес, Лейстнер и Хейдес указывали на то, что эсхатологические ожидания первых христиан будили в них жажду мученической смерти, что наравне с административным преследованием их римской властью явилось одним из источников формирования картины “гонений” в церковной историографии. Специалист по раввинистической традиции Фишель показал, что не только александрийское иудейство первых веков нашей эры, но и позднейший нормативный иудаизм, внешне находящийся в непримиримой оппозиции к греко-римскому миру, испытывал на себе сильнейшее и многообразное влияние эллинистической культуры. По мнению Хенгеля, с середины III века до нашей эры все разновидности иудейства, и в Палестине, и в диаспоре, могут быть охарактеризованы как “эллинистический иудаизм”. Фельдман также достаточно высоко оценивает уровень эллинизации евреев Палестины, однако считает что она в большей степени коснулась аристократии, которая в этом отношении противостояла основной массе народа. Бикерман, Чериковер и вслед за ними с большей осторожностью Селезнев считают возможным говорить о формировании “Антиохии-в-Иерусалиме” – своеобразного протополиса – гражданской общины эллинизированной иудейской знати. Все три исследователя отмечали факт соотнесения религиозным сознанием Израиля своих мессианских ожиданий с деятельностью Иуды Маккавея и постепенный отход от такого рода представлений по мере эллинизации Хасмонеев, а также все большую укорененность в иудеях поначалу воспринимавшихся как одиозные и противоречащие религиозной традиции Израиля достижений эллинистической культуры, философских представлений, образа жизни и форм политической организации.

Все упомянутые темы рассматривались перечисленными авторами прежде всего с точки зрения объективной природы описываемых здесь явлений. Как правило, в позициях, действиях, мировоззрении изучаемых групп выделяются те или иные устойчивые элементы, для которых можно определить происхождение и принадлежность к конкретному пласту культурного пространства римского Средиземноморья. При этом отсутствуют специальные исследования, посвященные субъективным оценкам современниками рассматриваемых феноменов, изучению тех имен, которые они использовали для характеристики себя и “чужого”, способов интерпретаций, с помощью которых они описывали важ-

нейшие исторические процессы, самой возможности или неспособности их осознать происходящее. Между тем именно такого рода проблемы являлись основным объектом исследования в настоящей работе.

Содержание и выводы диссертации. Основная часть рассматриваемой работы состоит из двух глав “Принципы коллективного самовосприятия христианских апологетов II-IV веков” и “Модели иудейско-языческих отношений эллинистического и греко-римского времени”. Изучение системы представлений раннехристианских апологетов о роли в их учении иудейских и эллинистических элементов, объективных следов воздействия означенных культур на тексты Отцов Церкви и их взаимовлияния в предшествующий возникновению христианства период позволило сделать несколько важных наблюдений. Прежде всего это касается принципов использования церковными авторами этнонимов для характеристики своих единоверцев и противостоящих христианам групп населения римской империи, все жители которой делятся Отцами Церкви на “эллинов”, “иудеев” и “христиан”. Образования, остающиеся вне этих культурно-исторических общностей, в христианской картине мира выглядят не играющими самостоятельной роли и обреченными рано или поздно войти в состав одной из трех больших групп, потому в большинстве случаев попросту игнорируются. Имя “эллины” выступает собирательным обозначением всего языческого мира, имеющего тенденцию к полному растворению в греко-римской культуре. В отдельных случаях, если нужно подчеркнуть не культурную, а социально-политическую природу данного образования, вместо “эллинов” используется термин “римляне”, столь же всеобъемлюще описывающий все языческое общество в его противопоставлении иудеям и христианам. Стремление последователей Иисуса найти себе место среди основных категорий населения империи через природное и культурное родство с иудеями и эллинами или посредством религиозных связей с ветхозаветной традицией натолкнулось на упорное неприятие **обоих** противостоящих им человеческих коллективов.

“Эллины” и “иудеи” ко времени широкого распространения христианства в империи уже не представляли собой общности чисто этнического характера, однако современники, в первую очередь христиане, не имея иных форм коллективной самоидентификации, кроме этнических, продолжали использовать традиционные модели для описания того, что давно уже было единством культурным. Об этом свидетельствует вся история греко-римского Средиземноморья, когда представители совершенно различных народов Европы и Ближнего Востока, оставляя прежние этнонимы, стремились принимать надэтнические характеристики образованных людей – “эллинов” и граждан мировой державы – “римлян”. Сходным образом принадлежность к иудейской религиозной традиции стала возможна не только для этнических евреев, но и для различных групп нееврейского населения Палестины и некоторых соседей наиболее влиятельных

иудейских диаспор. Вместе с тем никто не забывал, что создателями большинства достижений эллинистической культуры были исторические греки, вместе с именем подарившие окружающим народам свои нравы, образ жизни, образованность и сам способ рационального мышления, а римское гражданство некогда было достоянием небольшой общины на Тибре, постепенно включившей в состав созданного ею государства все Средиземноморье. В еще большей степени имели конкретную этническую привязанность религиозные обетования Ветхого Завета. Ничем подобным новорожденное христианство попросту не располагало.

Культурное отторжение христиан “иудеями” и “эллинами” заставило проповедников благовестия говорить о себе как о новом, третьем “народе” – τὸ τρίτον ἔθνος, τὸ τρίτον ἔθνος, natio tertia, populus tertius, natio nova, gens nova, при том что понятие “народ” в еще большей степени, чем в случае с обеими группами противников, понималось ими не как этническая общность, а как совершенно новое социально-культурное образование, для которого не существовало пока общепонятного обозначения. С другой стороны, при всей незначительности для собравшихся из всех народов христиан этнических характеристик даже в их среде по крайней мере какое-то время продолжали жить традиционные этнокультурные фобии и пристрастия. Иллюстрацией этому может быть своеобразный варварский патриотизм Татиана Сирийца, противопоставляющего негативно характеризруемых им “эллинов” не христианам как таковым, а варварам в целом. И хотя при раскрытии данных понятий оказывается, что речь, как и у прочих апологетов, идет о противопоставлении возникшей в варварской среде иудео-христианской религиозной традиции и эллинского язычества, подобный выбор терминов сам по себе достаточно интересен.

Система представлений апологетов о природе своих взаимоотношений с язычниками имеет непосредственный аналог в осмыслении иудейско-языческих контактов грекоязычными иудейскими авторами эллинистической и греко-римской эпох. Начиная с периода эллинизма, когда эллинистическая культура стала активно навязывать себя последователям Моисея, иудеи оказались в точно такой же ситуации, что и позднейшие христиане. Зависимость же исторического христианства от ветхозаветной религиозной традиции делает созданные иудеями модели взаимоотношений с язычниками необходимыми для понимания более поздних христианских реалий. Многие мировоззренческие конструкции были целиком восприняты апологетами у своих иудейских предшественников. В первую очередь речь о коллективных самообозначениях вовлеченных в конфликт сторон.

Маккавейские книги позволяют проследить эволюцию понятия τὰ ἔθνη от первоначального значения “народы” к характерному для позднейших христианских текстов значению “язычники”. Именно здесь оно приобретает этот

наиболее естественный для всей последующей христианской традиции смысл. С подобным общим понятием в книгах Маккавеев, как и у христианских апологетов, соотносится конкретный этноним – “эллины”, под определением “язычество” скрывается эллинистическая и греко-римская культура. “Эллины” здесь уже не тождественны историческим грекам, ибо в их число не включаются спартанцы, и еще не тождественны эллинистически образованному населению Средиземноморья, так как процесс сложения римской мировой державы незавершен и римляне пока также не являются “эллинами”. Таким образом, налицо тенденция к превращению этнонима “эллины” в характерное для Отцов Церкви обозначение представителей всего причастного эллинистической культуре средиземноморского мира.

Вместе с тем в Маккавейских книгах встречаются совершенно несвойственные христианским апологиям черты. Понятие эллины соотносится здесь в первую очередь с эллинистическими монархиями, эллинизаторская политика которых, угрожая иудейским обычаям, религии и образу жизни, заставляет приверженцев моисеева закона отождествлять враждебное им эллинское язычество именно с такой формой политической организации. Ничего подобного невозможно найти у христианских апологетов, для которых римская империя, усвоившая некоторые черты эллинистических царств и выступающая своего рода наследницей последних, представляет собой не большее зло, чем любая другая форма языческой государственности. Конфликты между христианами и императорской властью на религиозной почве, которые можно было бы сопоставить с подобного рода иудейско-языческими столкновениями эллинистического времени, Отцы Церкви склонны объяснять общим негативным отношением к ним со стороны язычества, поддерживая которое всякое государство выступает врагом общины поклонников Иисуса. Со временем по мере усвоения христианами культурного наследия античности и обращения их в связи с отказом от прежних эсхатологических чаяний к делам дольнего мира, в верующих крепнет убеждение, что, будучи отделено от языческой религиозности, государство может быть, в свою очередь, использовано для распространения благовестия.

Первая Маккавейская книга, кроме того, демонстрирует специфическое употребление термина “иудеи”, вытесняющего в эллинистическое время прежнее имя избранного народа “Израиль”. При описании восстания Иуды Маккавея “иудеями” называются не все вообще потомки Авраама, а лишь сами восставшие, “верные в Израиле”. Последующая греко-иудейская традиция подобного словоупотребления не знает: там “иудеи” – имя всего избранного народа, однако можно предположить что смена коллективного самообозначения знаменует собой какой-то этап процесса перехода иудеев от преимущественно этнического самосознания к религиозному. Вероятно поэтому традиция христианская закрепила понятие “иудеи” за той частью избранного народа, которая отказалась

принять благовестие, развивая иные направления иудейской религиозности, сложившиеся в том числе под влиянием движения Маккавеев.

По сравнению с Маккавейскими книгами произведения Филона Александрийского и Иосифа Флавия обнаруживают гораздо более высокую степень эллинизации. Сложная система взаимосвязей различных понятий, характеризующих в их трудах разделение “мы” и “они”, объясняется наличием нескольких взаимопересекающихся моделей коллективной самоидентификации. В собственных глазах Филон и Иосиф, конечно, прежде всего иудеи. Помимо них, существуют египтяне, финикийцы, исторические эллины и другие народы, включенные в состав римской средиземноморской державы, каждый со своими традициями, языком, религией. При этом образованная верхушка большинства упомянутых народов стремится именовать себя “эллинами”. “Эллинским” является полученное ею образование и принятый в данной среде образ жизни. Сами грекоязычные иудейские авторы “эллинами” себя прямо не называют, но постоянно проявляют, а иногда и сознательно подчеркивают свою причастность эллинской образованности и культуре в целом. В этом они значительно опережают христианских апологетов, которые, даже положительно оценивая те или иные достижения греков-язычников, четко разграничивают свое и чужое.

Параллельно с разделением населения империи на эллинистически образованных “эллинов” и состоящую из египтян, сирийцев и прочих этносов массу используется его деление на “римский народ” и всех прочих. Для Филона и Иосифа, как и для Отцов Церкви, это деление, отражающее статус римского гражданства, значительно менее актуально, нежели первое, тем более, что социальная элита империи – “римские граждане” и ее культурная элита – “эллины” в I веке нашей эры уже в какой-то степени совпадали. Наконец, самая общая классификация рода людского, встречающаяся у грекоязычных иудейских авторов, предполагает разделение всех людей на население империи, опять же “эллинов”, это уже третий способ употребления термина, и внешних “варваров”. В этом смысле Филон Александрийский говорит “мы” о всех подданных римской державы. Для христианских апологетов, игнорирующих государственную принадлежность как религиозно значимый фактор коллективной самоидентификации, такое словоупотребление нехарактерно. К тому же очевидная и неприемлемая в их глазах связь “эллинов” с языческой религиозностью сделала невозможным для верующих какое-либо терминологическое смешение в данной сфере. Не случайно впоследствии в Византии “эллины” сделались обозначением языческого меньшинства населения христианской империи, тогда как этноним “ромеи” – “римляне” в нарушение прежнего тождества стал служить для характеристики христианских подданных василевса.

Следующий важный аспект изучения иудейско-языческих и христианско-языческих связей – отношение христиан и иудеев к эллинистической и греко-

римской культуре в целом. Понимание и культивирование христианами своего отличия от язычников при интенсивных культурных контактах с последними сделало актуальным для них определение своего отношения ко всей противостоящей благовестию системе представлений, получившей у апологетов обозначение “эллинской мудрости”. Указывая на гетерогенность последней, Отцы Церкви в то же время воспринимают ее как целое, независимо от в разное время совершенных эллинами заимствований у других народов. В состав возникшей в результате более или менее продолжительной эволюции “эллинской мудрости” входят языческие верования и философские учения, с одной стороны, а также практические знания и умения, актуальные в том числе для самих христиан, с другой.

Религиозно-философская составляющая греко-римского наследия также немонолитна, часть его, а именно монотеистические воззрения, представления о душе, грехе, посмертном воздаянии, и особенно предпринимавшаяся некоторыми философами критика традиционных верований, вместе с разделяемыми христианами моральными установками эллинских мыслителей под именем “языческой праведности” объявлялась производной от учения и законодательства Моисея. Некоторые наиболее симпатизирующие греческой учености и культуре апологеты, главным образом Климент Александрийский и Ориген, вводят также мотив естественной причастности высшим истинам всей людей вообще и эллинских мудрецов в особенности. Вместе с тем само представление о “языческой праведности” вопреки мнению занимавшихся данной проблемой исследователей не являлось достоянием лишь немногих эллинофильствующих христиан. Связанные с ней мотивы встречаются у большинства апологетов, независимо от места их рождения и времени жизни (единственным реальным исключением здесь является Татиан). Следовательно, данное понятие не может быть отражением субъективного отношения того или иного автора к эллинской мудрости, но представляет собой констатируемый Отцами Церкви более или менее объективный феномен. Раскрываясь в судьбе Сократа, “языческая праведность” оказывается тождественна отрицанию многобожия и отстаиванию близких христианским религиозных и моральных ценностей.

С другой стороны, все составляющие эллинской мудрости, носившие ярко выраженные языческие черты, последовательно отвергались или же путем своеобразной интерпретации освобождались от таковых. В очищенном от религиозной оболочки виде такого рода элементы могли тем или иным образом использоваться христианами. Данное разделение применялось как в отношении к греко-римской культуре в целом, так и специально в связи с тем, что можно назвать античным монотеизмом. Когда последний принимал десакрализованные формы, проявляя себя в трудах философов и поэтов, христиане относились к нему сочувственно, считая доказательством знакомства эллинов с сочинениями

Моисея и ветхозаветных пророков. Однако монотеистические черты в религиозных течениях античности и напоминавшие христианские обряды эллинистические мистерии, некоторое время выступавшие в качестве конкурентов христианского благовестия, христианской обрядности и христианской церкви, объявлялись христианскими авторами кознями демонов, подражающих богу из желания извратить его замысел. Единственное исключение из этого правила представляют собой некоторые эллинистические оракулы, Гермеса, Сивиллы, Гистаспа и другие. Христиане объявляли их обетования раскрывшимися в собственной истории общины верующих и потому не считали такого рода религиозные авторитеты в полной мере языческими.

Практическую сторону “эллинской мудрости” Отцы Церкви оказались вынуждены усвоить более или менее полно. Их произведения были началом христианской литературы и христианской философии. Не имея образцов для подражания в ветхозаветной традиции, апологеты должны были обращаться к эллинскому наследию, перенимая вместе с формальными приемами важные мировоззренческие установки. Их понимание данного факта выразилось в четком терминологическом противопоставлении своих сочинений, созданных при определенном участии “эллинской мудрости”, боговдохновенным текстам священного писания.

Отношение к мудрости эллинов со стороны иудейских предшественников Отцов Церкви имело свою специфику. В результате частично описанного в Маккавейских книгах процесса эллинизации иудейского народа возникло своеобразное соединение греко-иудейских культурных традиций в Палестине и диаспоре. Возникновение иудейской литературы на греческом языке, повлекшее за собой усвоение иудеями эллинистических жанров и определенного образа мысли, вызвало необходимость пересмотра ветхозаветных моделей построения истории народа. Общая тенденция развития иудейской словесности вела к постепенному переходу от священной истории взаимоотношений Израиля с Йахве к рационализированной светской истории иудеев. Однако окончательного уподобления иудейской грекоязычной литературе литературе эллинистической и греко-римской так и не произошло. Несмотря на всю рациональность произведений Филона и Иосифа Флавия, их стремление строить изложение философских вопросов или описание исторических событий в соответствии с требованиями формальной логики, религиозные воззрения иудейских писателей и прежде всего специфическое понимание ими смысла и целей исторического процесса, легшее в основу позднейшей христианской историософии, делали ветхозаветную традицию более актуальной в их глазах, чем несравнимо полнее используемые ими в литературной деятельности культурные достижения эллинов.

Важнейшие составляющие эллинистической и греко-римской культуры, которые под именем “эллинской мудрости” пользуются признанием и уважени-

ем образованных иудеев, Филон и Иосиф пытаются трактовать как совместное достижение многих народов, входящих в империю и остающихся за ее пределами, но в первую очередь исторических иудеев и эллинов, поскольку формирующие такого рода мудрость учения греческих философов объявляются результатом воздействия на эллинских мудрецов превосходящего их по древности учения Моисея. Для подобной интерпретации не является помехой даже естественно примыкающие к “мудрости эллинов” языческие верования, которые Филон воспринимает как философские аллегории, а Иосиф считает достоянием необразованных кругов общества, отвергнутым или переосмысленным в рамках греческой философии. Таким образом, “эллинская мудрость” воспринимается эллинизированными иудеями в отрыве от породившей ее историко-культурной реальности как совокупность религиозно приемлемых для них элементов греко-римской цивилизации.

Изменения, произошедшие в коллективной самоидентификации основных культурно-исторических общностей римского Средиземноморья после появления христианства, затронули всех участников означенного процесса культурного взаимопроникновения. Не случайно так эмоционально различны оценки “эллинской мудрости” у греко-иудейских авторов, которые писали в ситуации постепенного принятия и усвоения их соплеменниками эллинистической культуры, и Отцов Церкви, которые, сознавая свое отличие от вчерашних единомышленников, по крайней мере до определенного момента последовательно и по большей части неудачно пытались от нее избавиться. В понимании Филона и Иосифа Флавия “мудрость эллинов” была важным аспектом жизни каждого образованного человека, не вступающим в противоречие с религиозными убеждениями иудейского народа. Для христианских апологетов она являлась неизбежным и необходимым условием любой интеллектуальной деятельности, с одной стороны, и идеологическим оружием главного противника и конкурента христианского благовестия в лице обновленного язычества – с другой.

Активная литературная деятельность была одной из двух основных форм взаимоотношений христиан и иудеев с внешним миром. Другой стали религиозные гонения. Место, которое отводится им в христианских апологиях, и роль, которую они здесь играют, позволяют считать мученическую смерть за веру и письменное свидетельство истины перед язычниками двумя составляющими одного феномена. В трудах Отцов Церкви невозможно провести грань между различными аспектами действительных взаимоотношений христиан с язычниками и всевозможными формами осмысления ими самой природы христианско-языческих разногласий. Предъявляемые христианам обвинения во всевозможных пороках церковные авторы приписывали фантазии язычников, навеянной их собственными мифами. В ответ на упрек в безбожии Отцы Церкви вместе с критикой традиционных верований ссылались на повсеместное ослабление ре-

лигиозного чувства и пренебрежение богами со стороны их поклонников. Возникновение христианства, судя по всему, привело к определенному идейному и организационному возрождению язычества перед лицом внешней угрозы. Не случайно пик гонений при Диоклетиане совпадает по времени с наибольшим накалом христианско-языческой религиозно-философской полемики.

В предшествующие гонениям Диоклетиана времена положение подвергавшихся преследованиям христиан нельзя считать исключительным, ибо известному наказанию за сходные проступки – критику традиционных верований и отказ от отправления государственного культа – подвергались лица, не принадлежащие к общине, – некоторые философы и особенно иудеи. Большая уязвимость в этом отношении христиан являлась следствием их большей социальной силы, представлявшей собой угрозу в глазах властей империи. Во враждебном отношении к себе язычников христиане видели естественное проявление природы последних, и потому восприятие ими конкретных реалий гонений тождественно восприятию верующими языческого мира в целом. Не случайно те императоры, которые оставили по себе добрую память среди подданных и, следовательно, отвечали христианскому идеалу мудрого правителя, как часть положительно принимаемого Отцами Церкви наследства греко-римской культуры освобождались от каких-либо обвинений с их стороны, несмотря на реально имевшие место столкновения. С другой стороны, знаменитые тираны и деспоты неизменно выступают в трудах апологетов злейшими врагами христианства.

Примеры изображения иудейскими авторами картины гонений показывают, что идейно родственная христианской историко-культурная общность в ситуации, сходной с той, что отличала взаимоотношения христиан и язычников во II-IV веках, выработала идентичные христианским формы осмысления разворачивающегося конфликта. Определенный набор общих мест – сила верующих и бесполезность борьбы с ними, их лояльность по отношению к властям, ненависть к иноверцам иницирующей гонения черни, покровительство со стороны “хороших” правителей и преследование “плохими”, обвинения в безбожии и различных пороках, ответная критика язычества, близость иудейско-христианских верований учениям греческих философов, конечное торжество преследуемых и посрамление гонителей, традиция писем эллинистических и римских правителей в защиту иудеев и христиан – неизменно повторяется от одного описания гонений к другому.

Это отнюдь не значит, что указанные аспекты не отражают действительной ситуации. Все они, вероятно, в большей или меньшей степени характеризуют подлинные взаимоотношения иудеев и христиан с язычниками. Но вместе с тем этот перечень превратился в своего рода литературный канон, более ценный заложенными в нем возможностями религиозно-философского толкования, нежели служащий задаче простого описания фактов. И если у Филона и Иосифа

гонения представлены как досадная помеха приветствуемому ими процессу приобщения эллинов к ветхозаветной религиозной традиции в создаваемых греками философских учениях и распространения того и другого под именем “эллинской мудрости” среди образованных людей римской державы, то у Отцов Церкви преследования верующих служат наиболее убедительным доказательством греховности языческого общества, а неспособность язычников уничтожить их предвещает конечную победу христианства.

Заключение диссертационной работы содержит общие выводы и попытку сопоставления результатов исследования двух групп памятников. В целом сравнение материалов христианских апологетов и грекоязычных иудейских авторов относительно взаимоотношений иудаизма и христианства с греко-римским язычеством и доли участия последнего наравне с ветхозаветной традицией в их идейном и организационном формировании демонстрирует как наличие значительного числа общих христианам и иудеям моделей интерпретации своих контактов с языческим окружением, объясняющегося сходным составом вовлеченных во взаимодействие сторон, так и определенных расхождений, проистекающих из существенных мировоззренческих различий христианской и иудейской культурно-исторических общностей. Вместе с тем достаточно интересным представляется сам факт известного повторения христианами опыта своих эллинизированных иудейских предшественников в сходной историко-культурной ситуации. Подобного рода сходство позволяет поставить вопрос о возможных путях развития самого нормативного иудаизма, сделавшихся чисто гипотетическими с появлением христианского благовестия.

Кроме того, представляется важным тот факт, что иудейские авторы римской эпохи в своем отношении к отдельным аспектам “эллинской мудрости” – греческому искусству, религии, философии, государственной организации – проявляют значительно большую готовность к признанию существенности вклада эллинов в общую еврейам и грекам средиземноморскую культуру времен империи, нежели многие ранние Отцы Церкви. Таким образом, даже то, что христианские апологеты склонны считать иудейскими традициями в собственном мировоззрении – представления о бессмертии души, посмертном воздаянии, единобожии, идеальном человеческом общежитии и так далее, – по мнению их иудейских предшественников, представляет собой осуществленное на предшествующем историческом этапе соединение греческих и иудейских культурных компонентов. По сути дела произведенная позднейшим христианством выборочная реабилитация греко-римского идейного наследства, была в значительной степени предвосхищена в эллинизированном иудаизме рубежа старой и новой эры.

Выводы диссертации представлены в следующих публикациях:

1. Ипполит Римский. “Свидетельство против иудеев”. // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. № III. – М., 2000. С.166-173. (0,4 п.л.)
2. Этнический и религиозный факторы в самосознании христиан на материале раннехристианских апологий. // Тезисы конференции XII “Сергеевские чтения” на кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ. // Вестник Московского Университета. История. № 5. – М., 2001. С.85. (0,1 п.л.)
3. Об основах коллективного самосознания “христиан” и “язычников” в эпоху поздней античности. // Мир психологии, 2001. № 3 (27). Июль-сентябрь. – М.-Воронеж, 2001. С.247-254. (0,6 п.л.)
4. Происхождение и природа “гонений” на христиан в римской империи во II-III веках. // Вестник молодых ученых 5, 2001. Серия: исторические науки 2, 2001. – СПб., 2001. С.30-34. (0,5 п.л.)
5. “Эллины” и “эллинская мудрость” в произведениях раннехристианских апологетов. // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. № IV. – М., 2001. С.125-139. (0,8 п.л.)
6. Раннехристианские апологии: происхождение и содержание. // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. № V. – М., 2002. (0,8 п.л.) – в печати.